

Памяти Арама Хачатуряна

МУЗЫКА, ПОКОРИВШАЯ МИР

В искусстве, как и в жизни, есть непреходящие ценности. К ним относится и музыка Арама Ильича Хачатуряна.

Трудно найти на нашей планете страну, в которой хоть раз не звучала бы музыка Хачатуряна. Популярность ее огромна, и она продолжает расти. И это удивительно потому, что его музыка написана отнюдь не в легком, развлекательном жанре. В ней глубоко раскрывается мир человеческих переживаний, она рассказывает нам о сокровенных тайнах души, в ней живет мир высоких художественных обобщений, и вместе с тем она доступна каждому, кто любит музыку.

Дар сочетания высокого с доступным — удел немногих в искусстве, особенно современном. Хачатурян сполна владел этим даром. Музыка Хачатуряна звучит от сердца к сердцу. Миллионам слушателей она доставила радостные минуты общения с большим и прекрасным искусством. И многие из них благодаря произведениям нашего замечательного композитора, быть может, впервые узнали о далекой Армении, ощутили жгучее тепло ее солнца, теп-

ло вечно живой души ее древнего народа...

Сейчас музыка Хачатуряна стала классикой. Мы восхищаемся ее кипучей динамикой, стремительной игрой упругих ритмов и вместе с тем без труда улавливаем классическую ясность музыкальных конструкций, стройность и гармоничность целого.

Появление Арама Хачатуряна в армянской музыке, богатой давними традициями и первоклассными талантами, было подобно взрыву, ослепительной вспышке, вдруг совершенно по-новому озарившей вековые ценности родного искусства, вовлекшей их в орбиту современного мироощущения, где господствовали стремительные ритмы, безудержный порыв, быстрая край энергия.

В творчестве Хачатуряна жила и живет героическая устремленность новой советской действительности, революционной эпохи. В этом — его исключительная жизненная сила.

Музыка Хачатуряна вся была соткана из элементов знакомых и традиционно используемых в армянской и шире — в восточной музыке.

Необычной и непривычной была та жизненная энергия, которую стали излучать в музыкальной ткани хачатуряновских произведений эти знакомые и традиционные элементы. Композитор словно раскрепостил дремавшие в них внутренние силы, придал им исключительную активность, действенность.

И во всем этом было нечто «ренессансное», как проникало еще в свое время отметил академик Б. Асафьев.

Так Восток в произведениях Хачатуряна предстал в неведомом ранее облике: пробудившийся, свободный, охваченный могучим созидательным порывом.

Именно этим в первую очередь определяется новаторская сущность творчества Хачатуряна, вписавшего новую страницу в историю мировой музыки. Этим же определяется то основополагающее значение, которое имело его искусство для последующего развития армянской музыки, и то плодотворное влияние, которое оно оказало на развитие музыкальных культур других народов Советского Востока. Как показывает современная практика, это влияние все шире распространя-

ется и на музыкальные культуры зарубежного Востока. Как пишет виднейший индийский музыкант Нараяна Мехон: «Для молодых... азиатских музыкантов, стремящихся сочинять музыку с использованием европейских выразительных средств, творчество и достижения Арама Хачатуряна подобны свету маяка».

Как и у каждого большого художника, дерзновенное новаторство Арама Хачатуряна было связано с глубоким пониманием и творческим претворением традиций предшествовавшего искусства. Особенное значение для него имели связи с армянским народным искусством.

И до и после Хачатуряна многие композиторы обращались к народной музыке как животворному источнику вдохновения. Чем отличался от них метод Хачатуряна? Что больше всего привлекло его в безбрежном море народной музыки? Были ли здесь области, которые он выделял, питал к ним особое пристрастие?

Оказывается, что не то или иное предпочтение, а именно широта подхода к народным истокам являлась определяющим свойством Ха-

чатуряна-композитора. В образах народной музыки он обращал больше внимания не на их стилистическую чистоту, а на их жизненную достоверность. И факт распространения того или иного народного напева в самой широкой, и пусть даже национально неоднородной среде, представлялся композитору скорее достоинством, чем недостатком. Он в полной мере владел тайной превращать простой, знакомый, порой обыденный напев в национальную музыку самой высшей художественной пробы.

Родной народ композитор видел в самых различных и многообразных связях с другими народами, объединенных и самой жизнью и общими устремлениями. И эту неразрывную связь он передавал непосредственно в образах своей музыки, даже в самой ткани музыкального языка, оставаясь при этом всегда подлинно национальным и даже ярко выраженным национальным художником.

Нет большей славы для страны и народа, чем подарить миру что-то свое. Хачатуряну было суждено драгоценные сокровища души родного народа сделать достоянием всего человечества.

Г. ГЕОДАКЯН,
секретарь правления Союза композиторов Армении.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

В СЕНТЯБРЕ 1975 года Арам Ильич Хачатурян пришел на Союз писателей Армении на юбилей замечательного нашего писателя-охотника Вахтанга Анянана. Мы сидели в президиуме и, как часто это бывает, переговаривались.

— После меня, — сказал юбиляр, — будут большие писатели, но такого охотника, как я, не будет.

— Писателем-охотником был еще Пришвин. В Армении — один только Анянан. Других,

наверно, нет, — отозвался Арам Ильич.

— В зале сидит Сильва Капутикян? — спросил Хачатурян. — Стихи Сильвы обжигают. Я очень люблю ее... Сегодня меня попросили сказать несколько слов о Граши. Я сказал. На его стихи легко писать музыку.

Речь зашла о предстоящем столетии Аветика Исаакяна.

— На юбилей Исаакяна в Ереван не смогу приехать. В Кишиневе стоят «Спартак». Надо помочь. В исаакяновские дни я буду в Кишиневе. Сейчас пишу романсы на слова Исаакяна. К юбилею не успею закончить.

— Но вы написали «Ворскан акпер».

— Да, это же третья часть Второй симфонии. Реквием о

павших на войне, о мужестве героев. Эту песню Исаакяна я слышал от мамы. Она пела ее за работой. Я воспроизвел песню так, как пела мама... Вы мне подарили идею. Надо, чтобы на юбилейном концерте отчетливо исполнили «Реквием». Это 10—12 минут.

Арам Ильич вспомнил, что о нем писал Исаакян.

— Есть его слова в книге

обо мне. У меня дома — автограф карандашом. Исаакян написал перед самой смертью.

Когда Вахтангу Анянну подарили охотничье ружье, Арам Ильич оживился, взял у юбиляра ружье и стал внимательно его рассматривать.

— Очень ценный подарок. Жаль, я не охотник.

...Я попросил у великого композитора автограф. Набросав несколько нотных знаков, он расписался: *Արամ Խաչատրյան*.

Левон МКРТЧЯН.